

О ТУВИНЦАХ В КОБДИНСКОМ СРАЖЕНИИ 1912 г.: ВЕК СПУСТЯ

© 2023

М. М.-Б. Харунова, Р. Ш. Харунов¹

Одним из наиболее значимых периодов в истории развития монгольской и тувинской государственности является рубеж XIX–XX вв. Монголия прошла путь от автономии до Монгольской Народной Республики, а Урянхайский край — от российского протектората до Тувинской Народной Республики. Решающим фактором в процессе отделения Внешней Монголии и Урянхайского края от Китая являлась российская политика, направленная на распространение политического и экономического влияния в Азии. Российское правительство, преследуя свои интересы, оказало военную помощь в обучении и снаряжении национальных вооруженных сил Монголии для борьбы с Китаем.

Битва за Кобдо — крупнейшее военное противостояние на начальном этапе борьбы за независимость Монголии в 1911–1912 гг. В историю Тувы это событие вошло под названием Хомду дайны (Кобдинская война). Добровольцы из Урянхайского края приняли активное участие в этих событиях и вернулись домой лишь в 1914 г.

Успешное взятие Кобдо и присоединение Западной Монголии к Халхе показали политическую волю правительства Богдо-гэгэна и его способность мобилизовать национальные военные силы для защиты своей территории от китайских войск. В какой-то мере это событие способствовало заключению Русско-Монгольского договора в ноябре 1912 г., который сделал Монголию субъектом международного права. В эти процессы свой немалый вклад внесли тувинские добровольцы.

Ключевые слова: битва за Кобдо, Тува, роль тувинцев

Для цитирования: Харунова М. М.-Б., Харунов Р. Ш. О тувинцах в Кобдинском сражении 1912 г.: век спустя. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 1. С. 116–126. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-116-126

DATA ON THE TUVANS IN THE BATTLE AT KHOVD IN 1912: A CENTURY LATER

Marianna M.-B. Kharunova, Ramil S. Kharunov

¹ Харунова Марианна Монге-Байыровна, кандидат исторических наук, заведующая аспирантурой Института востоковедения РАН; ondar18@mail.ru

Marianna Monge-Bairovna Kharunova, Candidate of History, Head, Postgraduate Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; ondar18@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9011-2262

Харунов Рамиль Шатмуратович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва; ramar33@mail.ru

Ramil Shatmuratovich Kharunov, Candidate of History, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva; ramar33@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7940-5972

One of the most significant periods in the history of development of the Mongolian and Tuvan statehood is the turn of the 19th — 20th centuries. Mongolia has gone from autonomy to the Mongolian People's Republic, and the Uriankhai Region from the Russian protectorate to the Tuvan People's Republic. The decisive factor in the process of separating Outer Mongolia and the Uriankhai Region from China was the Russian policy aimed at spreading political and economic influence in Asia. The Russian Government, in pursuit of its interests, provided military aid in training and equipping the national armed forces of Mongolia to fight China. The Battle at Khovd was the largest military confrontation at the initial stage of the struggle for the independence of Mongolia in 1911–1912. This event entered the history of Tuva under the name Khomdu daiyny (The Khovd War). Volunteers from the Uriankhai Region took an active part in these events and returned home only in 1914. Successful capture of Khovd and the joining of Western Mongolia to Khalkha showed the political will of the Bogd Gegeen's Government and its ability to mobilize national military forces to protect its territory from Chinese troops. To some extent, this event contributed to the conclusion of the Russo-Mongolian Treaty in November 1912, which made Mongolia a subject of international law. Tuvan volunteers have made a considerable contribution to these processes.

Keywords: the battle at Khovd, Tuva, the role of Tuvans

For citation: Kharunova M. M.-B., Kharunov R. S. Data on the Tuvans in the Battle at Khovd in 1912: a century later. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 1. Pp. 116–126. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-116-126

ВВЕДЕНИЕ

В декабре 1911 г. в результате национально-освободительного движения было свергнуто маньчжурское владычество и провозглашено создание феодально-теократического государства в Монголии. В Урянхайском крае также освободились от китайской власти, и 15 февраля 1912 г. на съезде тувинских правителей и чиновников было принято обращение к русскому царю с просьбой взять под покровительство. В апреле 1914 г. Российская империя провозгласила протекторат над Урянхайским краем.

В основном китайская власть была свергнута быстро и бескровно. Наместники бывшей Цинской империи, не имея значительных военных сил под своим руководством, оставили Ургу (амбань Сань До обратился за защитой к российскому консулу и был переправлен в Китай под охраной конвоя) и Улясутай (Цзянь-цзюнь Куй Фан выехал в Пекин) без боя, и только наместник Кобдоского округа (амбань Пу Жень) не подчинился требованиям новой монгольской власти.

Битва за Кобдо — это крупнейшее военное противостояние на начальном этапе борьбы за независимость Монголии в 1911–1912 гг. Несмотря на это обстоятельство, мы до сих пор не знаем всех подробностей этой военной операции. Очень разнятся данные по хронологии этапов битвы, количественному соотношению сторон, участию в сражении различных отрядов, особенно урянхайских добровольцев. В данной статье мы рассмотрим позиции нескольких сторон, прямо или косвенно участвовавших в этом событии, — российской, китайской, монгольской и урянхайской (тувинской).

Монгольским правительством в Кобдо были отправлены войска под командованием Манлайбаатара Дамдинсуре́на и Хатанбаатара Магсаржава. Позже к ним присоединились урянхайские добровольцы. Из-за упорного сопротивления китайских войск бои за Кобдо продолжались с перерывами три месяца и закончились в результате решительного штурма 20–21 (7–8 по старому стилю) августа 1912 г.

Эта совместная успешная военная операция свидетельствует об общности стремлений монгольского и тувинского народов, главной целью которых было избавление от китайского владычества.

РОССИЙСКАЯ СТОРОНА

Во второй половине XIX — начале XX вв. политика Российской империи в Азии становится более активной. В этот период изучение региона велось главным образом по линии Военного министерства или же при его поддержке. Как отмечает доктор исторических наук А. А. Колесников, «в мире нет такой страны, где бы развитие востоковедной и военной науки так тесно и неразрывно переплеталось, как в России» [Российские военные исследователи Монголии..., 2014, с. 9].

В рамках этой политики на территорию Монголии совершались разведывательные экспедиции Генерального штаба и военных округов. Цель экспедиций была вполне конкретной: сбор географических, военных и статистических сведений об определенных территориях, составление топографических карт и последующая обработка собранных материалов. Полученная информация затем обобщалась в Генеральном штабе, где концентрировались данные о возможных театрах военных действий [Российские военные исследователи..., 2014, с. 11].

Накануне рассматриваемых событий российские военные проявили явный интерес к возможному театру военных действий в Западной Монголии. В июне 1911 г. в экспедицию в Монголию из Омска в Зайсан выехал подьесаул Дорофеев. Целью поездки было «ознакомление с достигнутыми китайским правительством результатами пятилетней деятельности в Монгольском Алтае и сбор, пополнение и освежение военно-географических и стратегических материалов». Дорофеев должен был побывать в городах Шара-сумэ, Кобдо и Улясутай и возвратиться Торговым трактом из Улясутая в Кош-агач Томской губернии.

На пути до Кобдо Дорофеев определил высоты отдельных горных хребтов, кряжей, межгорных долин, гребней и описал растительный покров. За год до битвы за Кобдо Дорофеев кроме глазомерной съемки и уточнений по всему маршруту сделал кроки (чертежи участков) городов Шара-сумэ (22 июля 1911 г.) — Кобдо (2 августа) — Улясутай (23 августа) [Российские военные исследователи..., 2014, с. 110–111].

В том же 1911 г. в Монголию была направлена «с военно-научной целью» экспедиция, находившаяся там с 15 мая по 31 октября. Возглавлял ее Ю. Кушелев. Его задача заключалась в сборе сведений и военно-стратегического материала по пути следования экспедиции. Маршрут проходил с севера на юг Монголии, а затем с юго-востока на север-запад — через города Керулен, Долон-нор и Калган, ставку Цэцэн-хана, Ургу, ставку Хана-Дайчин-вана, Улясутай, Кобдо [Российские военные исследователи..., 2014, с. 150].

Как мы видим, российская сторона скрупулезно изучала территорию Монголии в целом и Кобдоского округа в частности как возможную территорию будущего театра военных действий.

В апреле 1912 г. царское правительство направило инструкторов во главе с Д. Н. Надёжным и предоставило денежную ссуду в размере 100 тыс. руб. на военные нужды Монголии. Россия в общей сложности трижды осуществляла поставки оружия и предоставила Монголии денежный заем в размере 5,1 млн руб. на формирование национальных вооруженных сил [Батунаев, 2015, с. 66].

Намерения царского правительства в отношении Кобдоского и Алтайского округов заключались в том, чтобы эти округа освободились от китайской власти и присоединились к Халхе. В июле 1912 г. С. Д. Сазонов (министр иностранных дел Российской империи) поставил перед царским правительством вопрос о необходимости заключения с Халхой русско-монгольского соглашения (было подписано в Урге 3 ноября 1912 г.). Присоединение Кобдо-Алтайского края к Халхе, писал Сазонов, «соответствовало бы нашим интересам»,

ибо «в географическом, экономическом и этнографическом отношениях он составляет естественное продолжение Халхи» и примыкает к нашей границе, «представляя удобный заслон от Китая» [Белов, 1999, с. 68].

Но этим намерениям препятствовал сильный китайский гарнизон в Кобдо. В Урге были встревожены этими мерами Пекина. Правительство хутухты решило направить военный отряд в Улясутай для укрепления его обороны и готовиться к взятию Кобдо, откуда китайские войска могли угрожать Улясутаю. Был намечен такой план: из Урги под Кобдо будет выслан отряд солдат в 70 человек, туда же должны прибыть и монгольские добровольцы, завербованные в кобдоских хошунах. Однако посланный для вербовки добровольцев Дамдин-Сурун (заместитель министра иностранных дел Ургинского правительства) собрал только 80 человек. Во второй половине июля отряд войск из Урги и 80 добровольцев подошли к Кобдо и остановились в 30 километрах от города. Посланные к кобдоскому амбаню на переговоры торгоут Тумурдажаба и ургинский чиновник Ахагба были казнены китайцами. Переговоры управляющего российским консульством в Кобдо М. Н. Кузминского с амбанем Пу Жунем о мирной передаче власти монголам оказались безрезультатными [Белов, 1999, с. 65].

В ответ на эти недобрые известия монгольское правительство решило послать под Кобдо 300 солдат, в том числе сотню, обученную русскими военными инструкторами. В то же время в Улясутае уже находились 72 русских казака с двумя офицерами [Белов, 1999, с. 66].

Отряд ургинских войск подошел к Кобдо в начале августа. Подступили и местные добровольцы, а также отряд танну-урянхайцев. Началась осада города, завершившаяся взятием Кобдо в ночь на 20 августа. Вступив в город, монгольские войска разрушили его до основания, перебили сотни китайцев — солдат и мирных жителей. Оставшиеся в живых укрылись в российском консульстве. Они были отправлены под охраной русского конвоя через Сибирь в Китай — всего 699 человек: 27 чиновников, 239 торговцев, 223 рабочих и 210 военнослужащих. Они выступили из Кобдо 2 и 3 сентября и 25 сентября достигли границы в Кошагаче.

По приказу из Пекина на Кобдо двинулась группа китайских войск из Синьцзяна. В середине сентября она находилась в 80 километрах от города. Кузминский написал письмо командиру отряда китайских войск, советуя во избежание кровопролития отказаться от наступления. Китайцы вняли совету российского консульского работника и стали отходить в сторону Алтайского округа. Но центральное китайское правительство считало нужным отвоевать Кобдо во что бы то ни стало. Военному губернатору Синьцзяна Ян Цзэнсиню было приказано направить новые группы войск в Алтайский и Кобдоский округа, что и было сделано.

На оборону Халха двинула еще отряд в 300 человек. Царские власти перебросили туда из Улясутая взвод казаков под командой подьесаула Харанова [Белов, 1999, с. 66].

Ургинское правительство в декабре 1912 и январе 1913 гг. не раз поднимало перед Петербургом вопрос о возможности ввода русских войск в Халху и Кобдоский округ. 25 февраля 1913 г. состоялось Особое совещание Совета Министров России, на котором было рассмотрено положение в Западной Монголии и приняты некоторые военные решения: 1) находившийся в Урге и Улясутае казачий полк с четырьмя пулеметами и двумя орудиями перевести в Кобдо; 2) с открытием навигации на Оби подготовить для выдвижения из Омского военного округа в Кобдо отряд из двух батальонов, 8 горных орудий, полуроты саперов и полусотни казаков, а из г. Зайсан ввести в Шарасумэ две роты с двумя пулеметами и две казачьи сотни; 3) ко дню выступления казаков из Урги в Кобдо ввести в Ургу из Иркутского военного округа один батальон с двумя орудиями и четырьмя пулеметами.

Ввод русских войск во Внешнюю Монголию, безусловно, укрепил ее в борьбе с Китаем. Без поддержки России, в том числе военной, Внешняя Монголия не устояла бы перед натиском Китая [Белов, 1999, с. 68].

КИТАЙСКАЯ СТОРОНА

Строительство КВЖД дало российской стороне возможность быстро и удобно размещать войска на Дальнем Востоке и заставило Цинскую империю переживать за свою безопасность. В силу своей немощи в начале XX в. Цинской империи пришлось прибегнуть к колонизации китайцами приграничных земель как к главному методу защиты этих земель от перспективы присоединения к России.

Китай официально разрешил ханьцам селиться во Внешней Монголии в 1906 г. Размещение ханьцев на окраинных землях, сосредоточение в их руках власти на местах, поглощение коренных жителей — все это было частью административной реформы династии Цин, способом распространения на этих территориях власти ханьцев, способом защиты от других мощных держав [Равдангийн Болд, 2015, с. 50].

Военный исследователь Ю. Кушелев в своем отчете по результатам экспедиции 1911 г. в Монголию отметил, что «одержанные японцами над нами успехи зародили некоторую надежду среди китайцев пойти по стопам народа из страны Восходящего Солнца. Во всяком случае престиж России значительно упал, и Китай осмелился вступить с нами в политическую борьбу тотчас же, как был заключен Портсмутский мир, а в минувшем году нам пришлось уже объявить ему ультиматум. Кому теперь не ясно, что в последнее время Китай сознательно и энергично готовился к борьбе с Россией и при том не только в Маньчжурии, но и в Монголии» [Российские военные исследователи..., 2014, с. 152].

Если не считать сотни солдат караульной службы, во Внешней Монголии на начальном этапе не было китайских войск. После того как в 1910 г. с Японией была достигнута договоренность о российской сфере влияния во Внешней Монголии, империя Цин приняла решение ускорить военную реформу и разместить одну дивизию во Внешней Монголии. Китайский историк Кен писал: «Китай никого не боялся так, как боялся Монголии и стоящей за ее спиной России. У китайской стороны вызывали тревогу русские войска, стоящие в Иркутске, Верхнеудинске, Кяхте и Чите, а также активные попытки России сделать двухпутной Транссибирскую магистраль. С учетом этого ... Цинское государство решило разместить в Урге мощную военную группировку. Были направлены 50–60 офицеров для организации строительства казарм и проведения призыва монгольских солдат. Планировалось к концу 1911 г. иметь гарнизон в 2 тыс. солдат с последующим увеличением до 10 тыс., а также создать гарнизоны в Кобдо и Тарвагатае.

Учреждение военных частей из рекрутированных монголов под руководством китайских офицеров было составной частью административной реформы Китая и Монголии. Россия рассматривала создание новых военных частей в Монголии как недружественный политический акт и была крайне обеспокоена, что это приведет к упразднению буферной сущности Монголии, а потому потребовала от Китая «не держать сильного военного присутствия» вблизи российских границ. По требованию России китайские офицеры, прибывшие в Хурээ для организации военных частей под командованием полковника Туана, в октябре 1911 г. вернулись на родину [Равдангийн Болд, 2015, с. 51]. Как мы видим, меры, принятые Цинской империей по укреплению военного присутствия во Внешней Монголии, не привели к успеху.

Юань Шикай, став в феврале 1912 г. временным президентом Китайской республики, понимал, что будет трудно вернуть Халху под власть Китая, но стремился не допустить хотя бы того, чтобы власть Урги распространилась на другие части Монголии. В мае 1912 г. Юань Шикай внес в парламент законопроект о создании новой административной единицы — «Западной Монголии», в которую вошли бы не только Кобдоский и Алтайский округа, но и Урянхайский край, Алашань, Кукунор и земли энцингольских торгоутов. Законопроект остался на бумаге, но в июле пекинское правительство приняло решение усилить дополнительным военным контингентом гарнизон в Кобдо [Белов, 1999, с. 65].

Китайскую точку зрения на результаты битвы за Кобдо выразил заместитель министра иностранных дел Китая Ен 9 ноября 1912 г. при встрече с представителем американского посольства Уильямсом: «Для возвращения Кобдо достаточно несколько сот солдат. Когда монголы захватили Кобдо, там было совсем немного китайских солдат, монголами командовали русские офицеры и, хотя русские отрицают это, совершенно очевидно, что русские инструкторы помогали в организации монгольского войска и обучении командного состава» [Равдангийн Болд, 2015, с. 56].

Косвенным подтверждением этому служат данные о российских военных советниках в монгольских отрядах (1913 г.), оперировавших в районе Хух-Хото (Внутренняя Монголия), — офицерах запаса М. В. Циклаурове, А. А. Владимирском, Е. Н. Юдине, В. Куренном, переводчиках Гомбоеве, Гармаеве и Чайванове, действовавших в Силингольском сейме — офицерах запаса А. А. Кобылине, А. Латышенкове и переводчике казаке Цыбикове [Белов, 1999, с. 94]. Тем не менее в опубликованной литературе и открытых архивных источниках нет данных об участии военных советников из России в битве при Кобдо.

МОНГОЛЬСКАЯ СТОРОНА

В планы Ургинского правительства входило и присоединение Западной Монголии, которая в самом начале XX в. состояла из огромного Кобдоского округа, граничившего на западе с Тарбагатайским краем Синьцзяна, на востоке — с Халхой и на большом участке также с Россией. В 1907 г. цинское правительство разделило округ на два: Кобдоский (центр Кобдо) и Алтайский (Шарасумэ).

Одним из основных направлений политики Монгольского правительства была организация национальных вооруженных сил как гарантии независимости статуса. Однако ввиду экономической слабости Монголии эта задача могла быть реализована только при поддержке России, которая оказала военную и финансовую помощь в формировании национальных вооруженных сил страны. Она осуществлялась по двум основным направлениям: подготовка национальных военных кадров и поставка оружия монгольским войскам.

В местности Хужир-Булан недалеко от Урги русскими инструкторами была организована военная школа по подготовке младших командиров. Для обучения монгольских цириков в Монголию были направлены русские офицеры.

Военная школа дала монголам возможность познакомиться с современной военной наукой, подготовить младших командиров и солдат, которые стали первыми кадровыми военными национальной армии. Монгольские воины изучали строевую подготовку, стрельбу и гимнастику. Методика учебного процесса русских инструкторов отличалась от традиционной системы подготовки монгольских воинов. Под руководством русских офицеров были организованы

монгольские сотни, которые должны были в дальнейшем положить начало становлению современных по тому времени вооруженных сил, построенных по европейскому образцу [Батунаев, 2015, с. 65].

Монгольское правительство высоко оценивало деятельность русских инструкторов. Военный министр Далай-ван Гомбосурэн, ознакомившись с постановкой обучения войск, выразил благодарность российским офицерам во главе с полковником Д. Н. Надёжным за их самоотверженный труд и энтузиазм в чрезвычайно трудных для них условиях. Выпускники военной школы направлялись во Внутреннюю Монголию для участия в военных операциях. Среди них были министр обороны и главнокомандующий войсками народного ополчения Д. Сухэ-Батор, П. Бахор, П. Тогтох, О. Чулуун и Юмжав и другие [Батунаев, 2015, с. 66].

В начале первого летнего месяца 1912 г. Дамдинсурэн-гун и Максаржав-гун назначаются полномочными министрами по умиротворению западных окраин Монголии. На них возлагается ответственная задача — изгнать из Кобдо маньчжурских чиновников вместе с их гарнизоном. Министры, взяв из Хужир-Булана (военный городок под Ургой) по двадцать пять цириков, выехали в Кобдо.

Тем временем маньчжурский наместник усиленно укреплял крепость, возводил фортификационные сооружения, копал вокруг крепости глубокие рвы, наполнял их водой, набирал добровольцев, готовил их к схватке с монголами [Чойбалсан, 1965, с. 14].

Максаржав со своим отрядом расположился лагерем у Кобдо, и каждый день к нему приходило пополнение. Из Танну-Урянхайского края прибыл Лувсан (Куулар Лопсан, 1878–1932, первый военный министр ТНР) с тремя сотнями добровольцев. Вновь прибывшие стали располагаться лагерем вокруг города Кобдо: в районе Халхин Шара-Сумэ, что находится к северо-западу от Кобдо, расположились цирики из двух Дюрбетских аймаков; в районе Цонж-чулу, также к северо-западу от Кобдо, — добровольцы из Танну-Урянхая; на северо-востоке от крепости, на излучине реки Кобдо в местности Ургэн-Ширхи, — цирики из двух западных аймаков Халхи численностью более семисот человек; к востоку Кобдо у северного подножия горы Рапанту, в местности Улан-Бугач, — цирики двух восточных аймаков Халхи, и в местности Алаг-Толгой, находящейся на южной стороне крепости, расположился небольшой отряд из двух восточных аймаков Халхи. На южной стороне горы Талын-Улан на юго-западной стороне Кобдо расположился Максаржав с отрядом в пятьсот человек. Всего город окружили более двух тысяч монгольских цириков. Они взяли под своей контроль все дороги, лишив противника возможности получать подкрепление [Чойбалсан, 1965, с. 17].

Накануне атаки крепости Максаржав объехал все шесть полков, разъясняя цирикам поставленные перед ними задачи. Он говорил, что крепостью надо овладеть во что бы то ни стало. «Все полки одновременно по сигналу должны начать штурм. Пусть счастлирое предзнаменование монгольского народа сопутствует вашей победе над лютым врагом, — говорил Максаржав, — смело, не зная страха, идите навстречу врагу. Отступление смерти подобно. Каждого, кто проявит малодушие и отступит, будем карать по всей строгости военного закона. Свой полк я поведу по южной стороне Кобдо. Чтобы по ошибке не стрелять в своих, идите в атаку на расстоянии нескольких шагов друг от друга, — настаивал он. — Вам выпала великая честь завоевать монгольскому народу счастье. Я уверен, вы покажете себя достойными сынами родины» [Чойбалсан, 1965, с. 20].

Воины Максаржава разбили наружные ворота и заняли торговую часть города, а затем вплотную подошли к административной. Сопrotивление противника было сломлено и здесь, вражеские солдаты поднялись на крепостные стены и стали махать белыми флагами. Максаржав

с двадцатью воинами забрался на крепостные стены и открыл ворота. Когда монголы подошли к резиденции наместника, они увидели оружие, сложенное у входа в здание. Недавние господа заявили о своей капитуляции, прося у победителей пощады. Наместник и его помощник, он же командующий войсками, тут же были взяты под стражу. Девятого числа город Кобдо был освобожден полностью.

Заслуги Максаржава и других участников штурма крепости соответствующим образом были оценены богдо-гэгэном. ... Дамдинсурэн был награжден коричневыми поводами и ему был пожалован наследственный титул Тушэ-гуна и звание Манлай Батора, а Максаржаву пожалован наследственный титул Тушэ-гуна и звание Хатан Батора [Чойбалсан, 1965, с. 22].

УРЯНХАЙСКАЯ СТОРОНА

Танну-урянхайцы (тувинцы) ощущали свое родство с монголами не только из-за общих религии (ламаизм) и письменности, но и благодаря традиционным тесным политическим и экономическим связям. В начале XX в. из 47 сомонов Урянхайского края (Тувы) 26 ведали халхаские князья и высшие ламы. И когда в феврале 1912 г. танну-урянхайцы под влиянием переворота в Урге изгнали китайцев из своего края, то большая часть хошунов и сомонов изъявила желание присоединиться к Халхе. Ургинское правительство пыталось послать в Урянхай своих чиновников и солдат, но русская дипломатия помешала ему установить здесь свой контроль [Белов, 1999, с. 64].

Наибольшую опасность для жителей Урянхайского края представляла возможность возвращения под китайскую зависимость. В 1912 г. парламент Китайской республики принял декларацию о принадлежности Урянхайского края Западной Монголии, находящейся под контролем китайской войск [Кузьмин, 2018, с. 2]. Главным оплотом китайского господства в Западной Монголии являлся город Кобдо.

По информации, поступившей в штаб Иркутского военного округа, в мае 1912 г. в Улангоме состоялся съезд монгольских чиновников, на котором присутствовали представители урянхайцев. На съезде был решен вопрос о занятии Кобдо силой [Тува и Монголия: события, факты, люди..., 2022, с. 29].

Тувинский амбын-нойон Комбу-Доржу наряду с монгольскими чиновниками получил предписание Богдо-гэгэна о сборе 200 ополченцев для изгнания китайского гарнизона из Кобдо. В архивных документах от управления амбын-нойона из хошунов Оюн и Салчак мы видим сообщение тувинских чиновников Санаа и Дандага о собранных согласно указу войсках со списками воинов с указанием возраста и оснащения: (чарлык шерии — «войско указа» или мобилизованные) — 200 чел. и (сузук шерии — «войско веры» или добровольцы) — 50 чел.². Отряд возглавил чейзен Куулар Лопсан. Помимо отряда из хошуна амбын-нойона выступили 308 добровольцев из Бээзи и Даа хошунов, которых возглавил Дамбий.

Согласно воспоминаниям Лопсана Куулара, отряды Бэйсэ хошуна под командованием Лопсана Куулара и Даа хошуна под командованием Кедээ-Ооржака Чамыяна собрались в Чадане и соединились с отрядом амбын-нойона в Улангоме, с монгольским войском — недалеко от г. Кобдо. По прибытии в Кобдо лучшим стрелкам из отряда добровольцев выделили берданки.

В освобождении крепости Кобдо 20–21 августа 1912 г. и изгнании маньчжуро-китайских войск из Цагаан-Тунге 1912–1913 гг. приняли участие как мобилизованные воины «чарлык

² Национальный архив Республики Тыва [НА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 242. Л. 41–50].

шерии», так и отряды добровольцев «сузук шерии», стихийно сформированные в 1912 г. в ходе изгнания китайских купцов под руководством Дамбыя.

Точное количество тувинцев, принявших участие в штурме Кобдо, в настоящее время установить затруднительно. По данным М. Х. Маннай-оола, было 698 чел. [Тува и Монголия: события, факты, люди..., 2022, с. 30], Ю. А. Аранчын учитывает 675 чел. [Аранчын, 2021, с. 153].

Первым сражением тувинцев стала битва на р. Буянты под руководством Дамбийжанцана с направлявшимся в Кобдо китайским подкреплением из Шара-Сумэ. Особо отличились своей отвагой и меткостью воины из хемчикских хошунов. Геройски погиб Тумат Чамбал из Бэйсэ хошуна. Отряд добровольцев под командованием Дамбыя был отмечен Дамбийжанцаном и освобожден от несения караульной службы, внутренних повинностей в лагере. Единственной обязанностью отряда оставалось участие в боевых действиях [Тува и Монголия: события, факты, люди..., 2022, с. 30].

По первоначальному плану Максаржава штурм Кобдо нужно было начать со взрыва стены. Тувинцы из Оюннарского хошуна Иргит Сарыг-Ёнзак, Оюн Моол-оол, Оюн Кара-Хапый, Оюн Узун-оол (из отряда Куулар Лопсана) взялись за выполнение этого задания. Они сделали подкоп и попытались подорвать стену, которая, тем не менее, устояла.

После этой неудачи был разработан план всеобщего штурма Кобдо на 20–21 августа. По воспоминаниям тувинских участников сражения, изначально в крепость первыми должны были войти монгольские войска, но в ходе ожесточенного боя тувинцы получили приказ ворваться в крепость. По распоряжению Лопсана 20 тувинцев, переодевшись в форму китайских солдат, введя в заблуждение гарнизон, открыли ворота. Китайцы при этом бежали и сдали свои позиции.

11 участников сражения награждены званием героя «Баатар», из них тувинец Куулар Лопсан — «Зоригт Баатар» (тув. Соруктуг Маадыр). Дамбыя возвели в чин гуна и вручили бело-красный флаг. Многим тувинцам присвоены титулы гуна, тажы, чангы, чалан.

Далее прошла вторая волна мобилизации для удержания крепости Кобдо. Е. А. Белов пишет, что в конце января 1913 г. монголов было около 3 тысяч: 500 халхасцев, включая роту, обученную русскими военными инструкторами, остальные новобранцы из Кобдоского округа и 700 танну-урянхайцев [Белов, 1997, с. 210].

В воспоминаниях участников, мобилизованных во второй раз из Хемчика, отрядом Бэйсэ хошуна командовал Куулар Лопсан, Даа хошуна — Шавыраа. Оба отряда объединились в местечке Бора-Шай и через двадцать дней достигли местности Гурван-Салаа на юге-востоке от г. Кобдо. Монгольский руководитель Дамбийжанцан высоко оценил мобилизацию танну-урянхайцев, прибывших в срочном порядке, в том числе из отдаленных мест³.

Тувинские добровольцы, охранявшие западные пределы Кобдоского округа, в связи с длительным пребыванием вдали от родных кочевий и сложившимся тяжелым материальным положением неоднократно обращались к нойонам Урянхая с просьбой об оказании помощи в снаряжении. Так, в августе 1913 г. командиры просили снабдить войска палатками и продовольствием [Хомду дайыны..., 2021, с. 76].

Перезимовав в местности Гурван-Салаа, весной они перебрались в Зуун Цэнхэрийн Ам, летом — на Цаган-Тунке. Тувинские отряды вернулись домой в средний месяц зимы, т. е. в январе-феврале 1914 г., приняв участие в двух крупных сражениях летом 1913 г. в местности Цаган-Тунке.

³ Тувинский институт гуманитарных и прикладных исследований. Рукописный фонд. Д. 232.

В фонозаписях научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований обнаружена песня в исполнении Оруса Донгур-ооловича Куулара, слова которой он записал в 1960-х гг. от участника Кобдинского сражения Сарадака. Автором боевой песни, с которой тувинские войска вернулись с Кобдинской войны, Куулар назвал Бойдаа чагырыкчы из Хондерге [Тува и Монголия: события, факты, люди..., 2022, с. 31].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская политика распространения влияния на Цинское государство создала благоприятные условия для восстановления независимости Монголии. Восстание в Ухани (сентябрь 1911 г., Синьхайская революция) отвлекло внимание Цинской империи, что дало возможность Внешней Монголии восстановить свою независимость.

После освобождения Кобдоского округа от китайской власти Богдо-хан, поблагодарив царское правительство за помощь — дипломатическую и оружием — при взятии г. Кобдо, выразил также надежду, что Россия поможет Урге занять и Алтайский округ [Белов, 1999, с. 70]. Однако царская дипломатия в дальнейшем окончательно убедилась в том, что у Ургинского правительства нет никаких шансов на присоединение Алтайского округа. Встал вопрос о прекращении боевых действий между монгольскими и китайскими войсками на границе Алтайского и Кобдоского округов. С этого времени Алтайский округ стал частью Синьцзяна и в настоящее время входит в состав Синьцзян-Уйгурского Автономного района КНР [Батунаев, 2015, с. 69].

Успешное взятие Кобдо и присоединение Западной Монголии к Халхе показали политическую волю правительства Богдо-гэгэна и его способность мобилизовать национальные военные силы для защиты своей территории от китайских войск. В какой-то мере это событие способствовало заключению Монгольско-Российского договора в ноябре 1912 г., который сделал Монголию субъектом международного права.

В историю Тувы это событие вошло под названием Хомду дайыны (Кобдинская война). Добровольцы из Урянхайского края приняли активное участие в этих событиях и вернулись домой лишь в 1914 г., когда китайские войска оставили пределы Монголии.

Учитывая тот факт, что в начале XX в. численность тувинцев составляла около 50 тыс. чел., участие 700 добровольцев (около 1000 по др. источникам) в сражении стало значительным событием в жизни народа.

В самой Туве тема участия в Кобдинской войне надолго оказалась в забвении. Полученные участниками в награду за победу феодальные титулы впоследствии оказались поводом для гонений на их носителей в период ТНР.

Подверглись репрессиям главные руководители танну-урянхайских добровольцев: Куулар Балдан-оглу Лопсан, Кыргыс Карма-оглу Шондан, Хертек Балзан-оглу Наадын-Хоо, Тюлюш Томертен, Чооду Амырдаа, Донгак Чыгдынчап-оглу Хенчи-Кара и др., при этом преследовались также и члены их семей.

Показательна судьба Оюн Кашпык-оглу Ойдупа, который возглавлял отряд из 40 добровольцев и получил звание чагырыкчы⁴. Из-за этого чина он был обвинен в контрреволюционной деятельности, в 1931 г. был арестован (в 1941 г. расстрелян), жену и восемь детей переселили⁵. В 1968 г. Оюн Кашпык-оглу Ойдуп был реабилитирован Верховным судом РСФСР⁶.

⁴ НА РГ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 184. Л. 141–141 об.

⁵ НА РГ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 185. Л. 77–78.

⁶ НА РГ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 185. Л. 92–93.

Только после реабилитации участников сражения тема Кобдинской войны получила осмысление в трудах ученых-тувиноведов и произведениях культуры — книгах, спектаклях, песнях. С 1973 по 2019 г. издано около 20 художественных произведений тувинских писателей.

В 2019 г. была заложена аллея памяти участников Кобдинского сражения в г. Кызыле. Первые бюсты установлены в честь Куулара Лопсана (первого военного министра ТНР) и Донгака Чигденчапа.

Литература / Reference

- Аранчын Ю. А. Тыва улустун маадырлыг оруу. Кызыл, 2011. 208 с.
- Батсайхан Оохной. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск: Отгиск, 2014. 384 с. [Batsaikhan Oookhnoi Mongolia: Becoming a nation-state (1911–1946). Irkutsk: Ottisk, 2014. 384 p.].
- Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 160 с. [Batunaev E. V. The struggle for the Independence of the Mongolian State (1911–1921). Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015. 160 p.].
- Белов Е. А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1919 гг. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. 314 с. [Belov E. A. Russia and China at the beginning of the twentieth century: Russian-Chinese contradictions, 1911–1915. Moscow: IV RAN. 314 p. (in Russian)].
- Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.) М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 237 с. [Belov E. A. Russia and Mongolia, 1911–1919. Moscow: IV RAN. 237 p. (in Russian)].
- Кузьмин С. Л. Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX в. *Oriental Studies*. 2018. № 3. С. 2–14 [Kuzmin S. L. The Uriankhai Issue and Mongolia-Tuva Relations in the Early the 20th Century. *Oriental Studies*. 2018. No. 3. Pp. 2–14 (in Russian)].
- Равдангийн Болд. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США — Россия — Китай, 1910–1973 / пер. с монг.; предисл. А. С. Железнякова. М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. 400 с.
- Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX века / отв. ред. М. И. Гольман. М.: ИВ РАН, 2014. 264 с.
- Тува и Монголия: события, факты, люди (XX — начало XXI вв.). К 100-летию установления дипломатических отношений между Монголией и Россией / ТИГПИ при Правительстве Респ. Тыва, Нац. музей им. Алдан-Маадыр Респ. Тыва, Нац. архив Респ. Тыва; авт.-сост.: Б. Баярсайхан [и др.]; редкол.: К. А. Бичелдей [и др.]. Кызыл-Красноярск: ООО изд-во «Офсет», 2021. 337 с. : ил. ISBN 978-5-7655-0837-5.
- Хомду дайыны: эртем чүүддеринде болгаш салгалдарның сактыышкыннарында. Кызыл: Тип. МБОУ КЦО «Аныяк», 2021. 272 с.
- Чойбалсан, Хорлоин. Хатан Батор Максаржав / Перевод с монгол. Я. Аюржанаева. М.: Воениздат, 1965. 56 с.